

3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі. – Т. 2 : Г–К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – 1978. – 768 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі. – Т. 4 : П–Р / [Рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]. – 1980. – 768 с.
5. Болбас, В. С. Народная педагогіка Мазырскага Палесся / В. С. Болбас, І. С. Сычова. – Мазыр : Белы Вецер, 2012. – 246, [2] с. – Бібліяграфія: с. 236 – 247, 203 назв.
6. Орлова, А. П. Развитие образования, школы и педагогики в Беларуси в период XIX – начала XXI века : монография / А. П. Орлова, И. Г. Рябова, Е. Л. Михайлова [и др.]; под ред. А. П. Орловой. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – 331 с.

Abstract. The article explores the verbalization of the sensorics of the paremia microtexts reflecting the main aspects of the existence of the traditional family of Belarusians. Based on the material of Belarusian proverbs and sayings, the linguistic means of expressing the processes of growth and maturation of children are determined. In accordance with the types of perception, the composition of the open part of speech series of sensory vocabulary is analyzed.

Keywords: family, child, age, paremias, open part of speech series, sensory vocabulary.

Марцынкевіч Вера Іванаўна – аспірант, Мазырскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна (vera.martsinkevich@mail.ru).

УДК 811.16-13'373:572

В. М. Мокиенко

СОМАТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИИ

Аннотация. В статье предлагается анализ библейских крылатых выражений с тремя соматическими компонентами, обозначающими зрительный орган: *Око за око, зуб за зуб; открывать глаза кому и беречь как зеницу ока*. Эти три библеизма отражают типичные структурно-семантические разряды паремиологии: пословицы, поговорки (идиомы) и устойчивые сравнения. После идентификации и толкования первоисточника соответствующие русские паремии сопоставляются с белорусскими и украинскими, а также – с другими славянскими. Дается детальная характеристика сходств и отличий этих паремий в каждом из языков.

Ключевые слова: библеизмы, паремиология, крылатые слова и выражения, фразеология, пословицы, поговорки, устойчивые сравнения.

Исследование выполняется за счет гранта РФ (2023-2025) «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации».

Международные научные конференции «Актуальные проблемы славянской фразеологии и паремиологии», гостеприимно организуемые и проводимые в Гомельском государственном университете имени Франциска Скорины, давно уже стали, говоря славянским неологизмом, мировым «брендом». И потому каждый из нас, готовясь к этому значимому научному Форуму, ответственно задумывается над темой своего выступления. Для меня, как и для всех его участников, это повод вспомнить о достижениях белорусских фразеологов и паремиологов, перечитать их труды и оживить в памяти звучную живую белорусскую речь.

Стимулом для выбора такой темы в этом году стала новая монография Татьяны Васильевны Володиной «Немецкія лекавыя замовы: групы, матывы, беларускія паралелі», только что изданная в издательстве «Беларуская навука» [1]. Хорошо известно, что тематика народных заговоров давно уже увлекает проф. В. И. Ковалю и его учеников. С Гомельской конференции прошлого года я привез в Петербург драгоцен-

ный дар Владимира Ивановича – его книгу «Язычество в языке и тексте» [2], которая стала продолжением его многолетних разысканий в области народной духовной культуры. Язычество, заговорные формулы и весь спектр народной культуры, с одной стороны, как известно, оставляют глубокие национально специфические следы во фразеологии и паремиологии, окрашивают языковую картину в особые, неповторимые и непередаваемые тона. С другой стороны, в них легко отыскиваются и корни универсальной общечеловеческой культуры, а языческие представления находят параллели в общей для всех христианских народов сакральной Книге книг.

Именно на этот важный параллелизм обратила внимание в своей новейшей монографии Т. В. Володина. Символичен эпиграф к ее книге – нем. *Bein zu Bein, Blut zu Blut, Ader zu Ader* и белор. *Костка да косткі, кроў да крыві, жыла да жылы...* Последняя фраза – это часть заговорной белорусской формулы, которую совсем недавно Т. В. Володина услышала от одной нестарой белорусской женщины, учившей столичных фольклористов «замавляць звіх»: *жилка ў жилку, костка ў костку, кроўка ў кроўку*. А формула эта – точь-в-точь совпадает с немецкой языческой формулой из рукописи X в., хранящейся в монастыре на юге Германии. Более того – автор книги находит параллели этой формулы даже в древнеиндийских преданиях.

Жилка ў жилку, костка ў костку, кроўка ў кроўку... Повторяя эту звучную формулу еще нестарой жительницы белорусской деревни, я вспомнил еще одну книгу, которую совсем недавно мы издали в гостеприимной фразеологизированной Беларуси. Книга эта – двухтомная «Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках», изданная проф. Евгением Евгеньевичем Ивановым в Могилевском государственном университете в 2018 г. [3]. Ее составители – большой международный коллектив из всех славянских и многих неславянских стран. И, разумеется, материал родного для издателя белорусского языка в ней отражен во всем полнокровии.

В словнике этой книги, правда, нет крылатого библейского выражения *плоть от плоти, кость от кости, кровь от крови*, соразмерного заговоренной формуле *жилка ў жилку, костка ў костку, кроўка ў кроўку...* Но зато тот параллелизм, который вдохновил Т. В. Володину и В. И. Ковалю, мы и пытались отразить в нашем многоязычном словаре. Понимая, что нельзя объять необъятное, я решил сосредоточить анализ библейской паремиологии, описанный в «Лепте», на тематике, также навеянной мне работами белорусских коллег.

Вспомнилось, как в далеком 1972 году будущий проф. Б. Ю. Норман, тогда еще молодой аспирант, на международной фразеологической конференции в Самарканде, сделал доклад «*Homo Fraseologicus*», нарисовав портрет человека в зеркале наиболее частотных фразеологизмов с соматическими компонентами. Большая голова, длинные и сильные руки, соразмерные им по величине уши, глаза, нос и т. д. и несоразмерная по отношению к ним крохотная печень – такой впечатляющий портрет был нарисован минским ученым задолго до того, как лингвисты увлеклись росписями так называемой языковой картины мира. И я подумал: а какой же соматический портрет можно создать на основе библейской паремиологии, описанной нами в сопоставительном ключе в многоязычной «Лепте библейской мудрости»? Тем более что мифологические коннотации белорусских названий частей тела уже фундаментально описаны в другой монографии Т. В. Володиной – «Цела чалавека: слова, міф, рытуал» [4].

Понятно, что далеко не все соматизмы, оживотворяющие паремиологию Книги книг, были отражены в нашей «Лепте библейской мудрости». Но мы стремились отобразить в ее словник наиболее частотные крылатые паремии, и это вселяло надежду, что задуманный мною портрет будет более или менее репрезентативен. Хотя, конечно же, и в достаточно большой степени субъективен. Для целей сопоставительного анализа славянской фразеологии и паремиологии библейского происхождения, как кажется,

такой подход в принципе оправдан. Ведь как доказала в своей монографии и докторской диссертации организатор нынешнего фразеологического Форума Е. В. Ничипорчик, цель сопоставительной паремиологии – характеристика отражения ценностных ориентаций в поговорках [5]. А такое отражение, собственно, и есть языковой портрет, воссоздаваемый сопоставительным методом.

Каков же набор соматизмов, образующих крылатые пословицы и поговорки библейского происхождения, которые включены нами в словарь «Лепта библейской мудрости»? Контуры такого портрета достаточно рельефны, ибо они представляют Человека соматического полноценно, т. е., употребляя фразеологизм, – «с головы до ног». Вот перечень наименований частей тела общим числом 14, запечатленный в «Лепте библейской мудрости»: *Волос, Глаз, Голова, Грудь, Душа, Зеница, Зуб, Лицо, Нога, Око, Перст, Рука, Сердце, Стопа*. При этом некоторые из них образуют по 2 библейских крылатых выражения, а некоторые (конечно, для русского языка) представляют собой синонимы одного и того же наименования. Таковы *Глаз, Око* и обозначение важнейшей частицы этого органа зрения – *Зеница*. Уже сама такая представленность наименований глаза в библейской паремиологии показательна. Известно, что именно слепоту чудесным образом исцелял Иисус Христос, омочив *брешием*, т.е. комочком целебной земли глаза болящему. И действительно, лишенность зрения в древние времена означала полную беспомощность и нищету, хотя и такие великие песнопевцы и провидцы античности, как Гомер, были слепыми. Оценка значимости органа зрения в человеческой культуре, между прочим, подтверждается и этимологией слова *око*: оно является общим для всех индоевропейских языков [6, т. 3, с. 128–129], а лат. *oculus* ‘глаз’ воспроизводится и в современном наименовании врача-окулиста.

Вчитываясь в эту соматическую триаду, «стартапом» которой в «Лепте» являлись русские поговорки, мы обнаруживаем любопытные семантические характеристики глаза, а в сопоставительном ключе – диахроническую «конкуренцию» слов *око* и *глаз* на славянском фоне. Вот как она отражена в нашей «Лепте библейской мудрости» [3, т. 1, с. 307–310]:

Око за око, зуб за зуб. 1. За причинённое зло нужно платить той же мерой; за причинённое зло отомстится равным злом. 2. За зло злом (платить, воздавать, отвечать и т. п.).

Хрестоматийный источник этой поговорки точно обозначен в «Лепте». Для белорусского языка ссылка дается на 4 фрагмента библейского текста: *Вока за вока, зуб за зуб, руку за руку, нагу за нагу* (Выход 21, 24); *Пералом за пералом, вока за вока, зуб за зуб; як ён зрабіў шкодзіну на целе чалавека, так і яму трэба зрабіць* (Лявіт 24, 20); *Хай ня літуе вока тваё: душу за душу, вока за вока, зуб за зуб, руку за руку, нагу за нагу* (Другі закон 19, 21); *Вы чулі, што сказана: «Вока за вока, і зуб за зуб»* (Мв 5, 38).

Вглядываясь в этот текст (как, разумеется, и в другие языковые параллели), мы обнаруживаем в его вариантах и другие соматизмы, повреждение которых предписывается ветхозаветным законом как возмездие за «шкодзіну на целе чалавека»: *зуб, рука, нога*. Находим здесь и обозначения процесса или результата такого повреждения: *пералом за пералом*. Расширяя круг библейских рекомендаций возмездия, мы можем обнаружить и другие части тела, повреждением которых можно его совершить. Так, в Коране (гл. 5. The dressed Table, 45) сказано: «... жизнь за жизнь, глаз за глаз, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб, месть за месть». А в китайском языке библейской сентенции соответствует «Кровь должна воздаваться кровью» [7, с. 357].

Библейская поговорка, как известно, отражает древнюю формулу возмездия, известную из положений древнейшего права [8, I, с. 53; 9, с. 343; 3, т. 1, с. 278–281 и др.]. Уже в сборнике законов вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) оно сформулировано подобным образом: «Если кто другому глаз уничтожит или сломает кость, то и ему сделают то же». Это положение носило юридический характер, а не относилось к родовой мести [10, с. 232]. Этот закон мог в древности формулироваться и без указания на конкретные части тела, подвергаемые равному возмездию. Сравн. ла-

тинскую сентенцию *Par pari refertur* – *Равное равному воздается* или формулировку закона возмездия – *Lex Talionis*, истолкованного Плинием: «возмездие тем же наказанием, каким был бы наказан обвиняемый; напр. за оклеветание другого в преступлении клеветник подвергался наказанию, которому подвергся бы совершивший приписанное ему преступление» [11, I, с. 739]. Сравн. также япон. *Нанесшему мне вред нанеси такой же* [7, с. 357]. Такие эквиваленты библейской поговорки свидетельствуют не только о ее древности, но и об универсальном смысле библейской и народной мудрости. И не случайно в «Лепте» она воспроизводится на разных языках – как славянских, так и неславянских – почти одинаково: болг. *Око за око, зъб за зъб*; мак. *Око за око, заб за заб*; польск. *Oko za oko, ząb za ząb*; серб. *Око за око, зуб за зуб*; словацк. *Oko za oko, zub za zub*; словен. *Oko za oko, zob za zob*; хорв. *Oko za oko, zub za zub*; чеш. *Oko za oko, zub za zub*; англ. *Eye for eye, tooth for tooth*; исп. *Ojo por ojo, diente por diente*; ит. *Occhio per occhio, dente per dente*; нем. *Auge um Auge, Zahn um Zahn*; фр. *oeil pour oeil, dent pour dent* и др. Не правда ли, что даже их воспроизведение звучит идентично и узнаваемо?

Разумеется, в восточнославянских языках эта библейская поговорка особо тождественна как по форме, так и по содержанию: бел. *Вока за вока, зуб за зуб*; укр. *Око за око, зуб (зуба) за зуб (зуба)*. Но лингвист не должен поддаваться впечатлению о такой видимой тождественности, а пытаться обращать внимание и на невидимые дифференциальные детали. Так, напр., в украинском эквиваленте этой поговорки есть и грамматический вариант компонента *зуб*, который, впрочем, никак не влияет ни на семантику, ни на форму: *Око за око, зуба за зуба*. Не влияет, но свидетельствует о разговорной стилистике этой библейской поговорки.

В поисках деталей, отражающих пусть и небольшую, но важную языковую специфику в восприятии этой поговорки русскими, белорусами и украинцами, полезно обратиться и к материалам народной речи и истории языков. Известно, что в русском языке слова *око* и *глаз* – и синонимы, и давние конкуренты. Уже с XVI–XVII вв. второе слово начало вытеснять первое – праславянское и праиндоевропейское *око*. Первичным значением слова *глаз* было ‘каменный (или янтарный) шарик’, ‘бусина’, ‘ягодная косточка’. Метафорическому переносу, конечно же, способствовала и фразеология – сравн. *шары выкатил, буркалы выпучил* и под. [12, т. 1, с. 190]. Удивительно, но именно экспрессивная окраска синонима древнего *око* привела к вытеснению последнего на стилистическую периферию русского литературного языка. Оно воспринимается сейчас как книжное, высокого стиля. И не случайно советская поэтесса Р. Казакова в стихотворении, посвященном жене любимого ею человека, свои простые *глаза* противопоставляет *очам* его законной супруги: *У жены твоей – очи, и не губы – уста... я люблю тебя очень! Но пред нею – чиста...*

Конкуренция *глаза* и *ока*, завершившаяся победой метафоры, отразилась и качественно, и количественно на русской фразеологии и паремиологии. Вот что показывает статистика одних только поговорок с этими компонентами в нашем «Большом словаре русских поговорок» [13, с. 623–624]: со словом *око* – 102, а со словом *глаз* [там же, с. 172–177] – 458. Как видим, «глазные» поговорки более чем вчетверо превосходят «очные». Но дело не только в количестве. Качественный диапазон слова *око* в русском языке, как мы видели, значительно сужен из-за его стилистической маркированности по сравнению с нейтральным *глаз*. Отсюда и поговорки из нашего сборника, многие из которых соответствуют такой стилистике (В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских поговорок» [13]): *Аще око твоё соблажняет тя, исткни* [т. е. проткни, выколи] *его*. (СлРЯ XI–XVII вв., 6, 323); *Не насытится око зрением (зрения), а ум – богатством (богатства)* (Петр. галер. нач. XVIII в., 31; Тат. нач. XVIII в., 58; Богд. 1741, 101 и др.); *За очи (Заочи) коня не купят (не покупают)*. (Сим., 105–106;

СлРЯ XI–XVII вв. 5, 254 и др.); *Очи мудрых желают благых, а безумного дому пира* (Слово Даниила Заточника, 23; ЛФМ 1981, 133; СлРЯ XI–XVII вв. 19, 7).

Конечно, русская паремиология сохранила в памяти и нейтральное и даже разговорно-просторечное звучание слова *око*, чему способствовала ее категориальная «консервативность». Вот несколько таких пословиц: *Видит око, да зуб неймёт* (Раз. 1957, 128; Ан. 1988, 45; Пермяков 1988, 154 и др.); *Завистливое око видит далёко* (Д 1, 560; Соб. 1956, 59; Раз. 1957, 97 и др.); *Не гляди (не смотри) высоко – запорошишь око* (Д 1, 619; Спир. 1985, 64 и др.); *Хозяйское око за всем глядит* (Рыбн. 1961, 42); *Чего око не видит, то и на сердце не взывает* (Д 1, 202); *Далеко из (от) очей – далеко из сердца* (Паус нач. XVIII в., 42; Тат. нач. XVIII в., 51 и др.). При этом заметно, что большинство русских пословиц и поговорок имеют прямые параллели в белорусском и украинском языках. Такова, напр., пословица [*Хоть*] *видит око, да зуб неймёт*, использованная в известной басне И. А. Крылова: укр. *Бачить око, та зуб не йме; Бачить око, та зуб не йме; Бачить глаз, а зуб не достане й раз*; бел. *Вока бачыць, а зуб найме*.

Слово *глаз* в белорусском и украинском языках – явно заимствованное из русского, о чем свидетельствует косвенно его отсутствие в этимологических словарях этих языков [14, т. 3; 15, т. 1]. В то же время в украинском словаре фиксируется слово *глазки* ‘залізні грузила, що прикріплюються до невода’, которое, как и рус. *глаз*, этимологически восходит к названию круглого камешка [15, т. 1, с. 520]. При этом в белорусских и украинских паремиологических собраниях можно найти пословицы и поговорки со словом *глаз*. Таковы бел. *Воран ворану глаза не выключець, а хаця і выключець, ды не выташчыць* [16, т. 1, с. 344]; *Хоць ты плюй у глаза – усё бож’я раса* [16, т. 2, с. 329]; *Стыд не ёлка – у глаза не коліць* [16, т. 2, с. 347]; *Вышы лба глаза не ходзяць; Вышай лба глаза не растуць; Вышы лба глаза не лезуць* [16, т. 1, с. 345; 2, с. 475]. При этом заимствованный характер таких пословиц распознается на фоне более употребительных и ареально масштабных аналогичных пословиц с компонентом *вока*: *Хоць яму ў вочы плюй; Хоць ты яму плюй у вочы, ён скажа – божая раса; Ты яму плюй у вочы, а ён кажа, што эта дождж ідзе* [16, т. 2, с. 329]; *Сорам не ёлка – вачам не колка; Сорам не воран – вочы не выдзяўбе; Ад стыду вочы не паўлазяць* [16, т. 2, с. 347]; *Вочы вышы лба не ходзяць; Звыш лобу вочы не ходзюць* [16, т. 2, с. 475]. Это убедительно доказывает и статистика: в сборнике М. Я. Грынבלата зафиксировано 85 паремий со словом *вока* и 15 – со словом *вочки*. Сравн. несколько ярких пословиц с народным колоритом: бел. *Брусніца белабока, і парабак прыспаў сабе вока* [16, т. 1, с. 87]; *Конь ад добрага вока сыцейшы бывае* [16, т. 1, с. 141]; *На ўсё трэба мець вока; Калі не дагледзіш ваком, то даложыш мяском* [16, т. 1, с. 186]; *Хоць сабачына, было б вока не бачыла* [16, т. 1, с. 220]; *Добрая пасловіца ў вочы колецца* [16, т. 2, с. 189].

Аналогична ситуация и в украинском языке. Во втором томе фундаментального четырехтомного собрания украинских паремий М. М. Пазяка зафиксировано несколько пословиц со словом *глаз*: *Хто старе спом’яне, тому глаз вон* [17, т. 2, 307]; *В чужім глазу бачить зразу, а в своїм – ні разу* [17, т. 2, с. 237]; *Нашим глазам не перийий базар, а вже третій ярмарок* [17, т. 2, с. 238]; *Свій глаз – алмаз, чужі руки – круки; Свій глаз – алмаз; Свій глаз – алмаз, чужий – скло* [17, т. 2, с. 240]. Русский источник последней пословицы и ее двух вариантов «выдает» рифмовка *глаз – алмаз*. А то, что другие пословицы с этим компонентом имеют русское происхождение, доказывается их низкой частотностью по сравнению с их вариантами с компонентом *око*: *Хто давнє пом’яне, той лиха не мине; Хто старе поминає, той щастя, не має; Хто старе пом’яне, тому палець в око* [17, т. 2, с. 307]; *В чужім оці бачить зразу, а в своїм ні разу; В чужім оці порошинку бачиш, а в своїм і поліна не примічаєш; В чужім оці і порошину бачиш, а в своїм і бревно не примічаєш; В чужім оці і порошину бачиш, а в своїм і стебла не помічаєш; В чужім оці тріску бачить, а в своїм і поліна не замічає; В чужім оці і порошинку бачить, а в своєму і сучка недобачає; В чужому оці скалку бачить, а в своєму й полі-*

на не помічає; У чужому оці і порох видно, а в своєму колоди не видно [17, т. 2, с. 237]; Нашим очам не первина: гірше було, та перелупали; Нашим очам не перший базар: гірше було та перелупали; Цим очам не перший базар, а вже третій ярмарок [17, т. 2, с. 238]. Всего же во втором томе собрания М. М. Пазяка 616 паремий с компонентом *око*. И, как мы видели, – лишь 6 со словом *глаз*, да и то, если учесть варианты, – всего 4.

Приведенные подсчеты и сопоставление трех родственных языков позволяет, как кажется, определить различие восприятия библейской поговорки носителями русского языка по сравнению с белорусами и украинцами. Для первых она звучит высоко и торжественно, как и подобает древней юридической формуле справедливого возмездия. Для белорусов же и украинцев она стилистически воспринимается как поговорка народная, «своя», не отличаясь от других паремий со словом *вока*, *око*. Любопытно, что в заимствованных поговорках по мере их осовременивания это различие нейтрализуется. Так, в XVIII в. европейская поговорка *С глаз долой, из сердца вон* (сравн. фр. *Loin des yeux, loin du coeur*; англ. *Out of sight, out of mind*; нем. *Aus den Augen, aus dem Sinn*) была переведена как *Далеко из (от) очей – далеко из сердца* (Паус нач. XVIII в., 42; Тат. нач. XVIII в., 51 и др.), затем получила привычную нам форму. В украинском же языке, естественно, компонент *око* остался неизменным: *Зійде з очей, зійде і з думки* [17, т. 2, с. 238].

Не знаю, объективно и адекватно ли я воспринимаю подчеркиваемое мною различие. Но – если вновь посмотреть на соответствующую словарную статью в «Лепте», то мы обнаружим, что русский язык по передаче этого библеизма отличается от всех других языков, как славянских, так и неславянских именно своей стилистической маркированностью. Таков результат «глазного двуязычия» русских поговорок с соответствующими компонентами.

Еще явственнее это «двуязычие» проступает во втором библеизме с компонентом, именуемым орган зрения, – *открывать/открыть (раскрывать / раскрыть) глаза кому на кого, на что* ‘показывать истинное положение вещей тому, кто представляет себе его ложно, рассказывать правду; выводить кого-л. из заблуждения, вразумлять’, ‘делать что-л. понятным, ясным кому-л.’ [3, т. 1, с. 83–88].

Выражение часто употребляется в Новом завете в прямом и переносном значении: «Повели сего бывшего слепца к фарисеям. А была суббота, когда Иисус *сделал брение* и *отверз* ему *очи*. Спросили его также и фарисеи, как он прозрел. Он сказал им: брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу» (Ио 9, 13-15; также см.: Ио 9, 30, 32, 39); «Иисус, остановившись, позвал их [двух слепых] и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы *открылись глаза* наши. Иисус же, умиловшись, прикоснулся к глазам их; и тотчас *прозрели глаза* их, и они пошли за Ним» (Мф 20, 32–34) и др. В Ветхом завете глагол в этом выражении употребляется и в возвратной форме: И *открылись глаза* у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья и сделали себе опоясания (Быт. 3, 7).

Как видим, в русском синодальном переводе Библии здесь встречается и *око*, и *глаз*. Понятно, почему в первом контексте переводчики предпочли праславянское наименование глаза: оно сохраняет высокую торжественно-книжную старославянскую стилистику. Важно здесь и контекстуальное окружение этого библейского оборота: *слепец, брение, отверз, прозрел* – это тоже старославянизмы. Так, слово *брение* в церковнославянских памятниках значит ‘глина, или смесь сухой земли с влажностью; грязь’ [18, т. 1, с. 82].

В белорусском же и украинском переводах соответствующих фрагментов Священного Писания такая лексическая архаика отсутствует. Зато каждый читатель понимает, чем же, собственно, исцелил Иисус ослепшего и почему исцеленный после такого лекарственного снадобья умылся.

Вот белорусский перевод: «Ісус, спыніўшыся, паклікаў іх і сказаў: што вы хочаце, каб Я зрабіў вам? Яны кажуць Яму: Госпадзе! каб *адкрыліся вочы* нашыя» (Мв 20,

32–33); «Павялі гэтага былога сьялца да фарысэяў. А была субота, калі Ісус *зrabiў грязь і адамкнуў яму вочы*» (Ян 9, 13–14); «Чалавек відушчы сказаў ім у адказ: гэта якраз і дзіўна, што вы ня ведаеце, адкуль Ён, а Ён *адамкнуў мне вочы*» (Ян 9, 30); «Спрадведу ня чулі, каб хто *адамкнуў вочы* таму, хто ўрадзіўся сьялпы» (Ян 9, 32).

В беларусском варианте глаза ослепшему Иисус Христос открыл с помощью целебной грязи, которую он сам «зrabиў». Сочетание *адамкнуць вочы* имеет при этом нейтральную стилистику, как и все контекстуальное окружение нашего оборота. В белорусском языке он постепенно «прирастал» столь же нейтральными и даже разговорными глагольными вариантами: *раскрываць (раскрыць) вочы каму [на каго, на што]*; *развязаць вочы каму* (разм.); *расплюшчваць (расплюшчыць) вочы каму [на каго, на што]*.

В том же стилистическом ключе это выражение употребляется и в украинском языке: *відкривати/відкрити (розкривати/розкрити) кому, на що очі* (книжн.) ‘показувати, розказувати усю правду про щось’; ‘допомагати правильно або глибше розуміти, сприймати, пізнавати що-небудь’; ‘дати можливість переконатися у помилковості своїх поглядів щодо когось’. Приведем контексты: Ісус же спинився, покликав їх та й сказав: *Що хочете, щоб я вам зробив? Вони Йому кажуть: Господи, нехай нам розкриються очі!* І змилосердивсь Ісус, доторкнувся до їхніх очей, і зараз прозріли їм очі, і вони подалися за Ним (Мт 20, 32–34); Ведуть тоді до фарисеїв того, хто був перше незрячий. А була то субота, як *гязиво* Ісус учинив і *відкрив йому очі*. І знов запитали його й фарисеї, як видющим він став. А він розповів їм: *гязиво* поклав він на очі мені, а я вмився та й бачу. (Ів 9, 13–15); Відповів чоловік і сказав їм: Тож воно й дивно, що не знаєте ви, звідки Він, а Він мені *очі відкрив!* (Ів 9, 30); Відвіку не чувано, щоб хто *очі відкрив* був сліпому з народження (Ів. 9, 32); І промовив Ісус: На суд Я прийшов у цей світ, щоб бачили темні, а видющі щоб стали незрячі (Ів 9, 39).

Сделал брение – зrabiў грязь – учинив гязиво... В этой триаде «лечебных» словосочетаний отражено то же стилистическое различие русского текста и восточнославянских переводов Библии, которое характерно для переводов в целом. Слово *брение*, этимологию которого мы уже знаем, завораживает своей «бог вдохновенной» стилистикой, а к белор. *гязь* и укр. *гязиво* хочется добавить эпитет «целительная», хотя в руках и под рукой Иисуса все обладает и без эпитетов целебностью и чудодейственностью.

Давайте взглянемся, всмотримся и вслушаемся в переводы этого словосочетания на другие языки – как славянские, так и неславянские, воспроизведенные соавторами «Лепты». Ни в одном из славянских мы не найдем нашего старославянского *брение*: болг. *направи кал*, макед. *направи кал*, серб. *начини као*, хорв. *napravio blato*, словен. *naredil blato*, пол. *uczynił błoto*, словацк. *urobil blato*, чеш. *udělal bláto*; англ. *made the clay*, нем. *den Kot machte*, швед. *han hade fätt*; укр. *había hecho el lodo*, итал. *aveva fatto del fango*, фр. *avait fait de la boue*.

Любопытно при этом, что и в западнославянских, и в двух южнославянских языках использовано слово *болото*. Но не в привычном для русских, белорусов и украинцев географическом значении, а именно в значении ‘грязь’. В болгарском, македонском и сербском переводах фигурирует также знакомое нам слово *кал*, но – не в современном значении, связанном с известным медицинским анализом, а в древнем, праславянском – ‘грязь’, ‘жидкая грязь, слякоть’ [12, т. 1, с. 369–370]. Собственно, все они – полноценные синонимы ст.-слав. *брение*, хотя последнее слово оказалось востребованным лишь в старославянском и русском тексте Библии для передачи чудесных исцелений Иисусом Христом.

Если углубиться в этимологический анализ всех этих наименований грязи в славянских языках, то мы обнаружим, что их исходная семантика – именно ‘болото’ в географическом значении, а их общие праславянские корни свидетельствуют, по исследованиям Н. И. Толстого и его единомышленников, что прародиной славян было болотистое Припятское Полесье, т. е. Гомель и его окрестности, где мы сейчас находимся благодаря гостеприимным хозяевам во главе с Е.В. Ничипорчик и В.И. Ковалем.

Но вернемся к библейским соматизмам, оставившим фразеологический и паремнологический след в Священном Писании. Поскольку, как известно, Бог Троицу любит, то третьим фразеологизмом с компонентом *око* в русском языке и в нашей «Лепте» оказалось устойчивое сравнение *хранить (беречь) как зеницу ока; дорожить как зеницей ока* ‘тщательно, чрезвычайно заботливо оберегать кого-, что-л.’ [3, т. 1, с. 133–135]. Здесь нас ждет лингвистический сюрприз: следуя за многоязычным материалом нашего словаря, мы обнаруживаем как сходство слова *око* в пословице *Око за око, зуб за зуб* и во фразеологизме *открывать глаза кому на что*, так и отличие. Высокая стилистическая тональность его употребления в пословице не только воспроизводится в устойчивом сравнении, но даже усиливается «приращением» компонента *зеница*, тоже старославянского и книжного, ветхозаветного «извода»: «Он нашел его в пустыне безводной, жаждущего от зноя, ограждал его, смотрел за ним, *хранил* его, *как зеницу ока* своего» (Вт 32, 10); «*Храни* меня *как зеницу ока*» (Пс 16, 8).

Слово *зеница* в церковнославянском сравнении (церк.-слав. *Žěw źéiěóó осеѣа*) значит ‘зрачок’, а по другой интерпретации – ‘веко глаза’. В ст.-слав. *зэница* имело и обобщающее значение – ‘глаз’, отсюда, возможно, и варианты выражения: *хранить паще ока; хранить пуще глаза*. Параллелизм употреблений слова *зеница* ‘зрачок’ – ‘глаз’ характерен как для ст.-сл., так и для др.-рус. *зьница*. В «Хронике Иоанна Малалы» (XV в.), напр., встречается такое портретное описание: «Аст Ламониискыи великъ тълъмъ, плнь... кудрявъ, добробрадь, бровистъ, *чрънама зеницами*». Как видно, речь идет о человеке с черными глазами. Традиция такого употребления была еще жива в XIX в. – оно встречается, напр., у А. С. Пушкина в стихотворении «Подражание Корану» (1824): *И к пальме пустынной он бег устремил, / И жадно холодной струей освежил / Горевшие тяжко язык и зеницы, / И лег и заснул он близ верной ослицы*. Отсюда некоторые контексты из русской литературы, в которых *глаз* и *зеница ока* употребляются как синонимы: *Первевший был у нас голова! Староста был, копейки мирской не утаил, а правду блюл пуще глазу, зеницы ока* (Гл. Успенский. Из деревенского дневника. Конокрады).

Такой семантический параллелизм показывает, что слово *зеница* в составе сравнения первоначально не имело обобщающего соматического значения ‘глаз’, а именовало либо ‘веко’, либо ‘зрачок’. В книге «Второзаконие» (32, 10) по списку XIV в. читаем: *Схрани его яко зеница ока*, т. е. «сохрани его как веко сохраняет глаза» [9, с. 223].

Посмотрим, подтверждают ли славянские параллели реконструкцию такой методической динамики этого слова. Некоторым сюрпризом является факт отсутствия *зрэнки* ‘зеницы’ в белорусских текстах Библии:

Ён знайшоў яго ў пустыні, у стэпе паньлым і дзікім, асланяў яго, даглядаў яго, ахоўваў яго, як вока Сваё (Другі закон 32, 10); Ахавай мяне, як вока; у цяні Тваіх крылаў аслані мяне ад бязбожных, што на мяне нападаюць, – ад ворагаў душы маёй, што абступілі мяне (Пс 16, 8–9).

При этом современные словари фиксируют соответствующее сравнение и в полном варианте: *берагчы, аберагаць і пад. як зрэнку вока; глядзець, пільнаваць, берагчы і пад. як [сваё] вока* (разм.); *глядзець, берагчы, шанавачь і пад. як (што) вока ў ілбе (ў лобе)* (разм.). Как видим, разговорный стилистический колорит этого сравнения лексикографически подчеркивается, что явно отличает его от соответствующе русской параллели. Показательно, что именно разговорной пометой сопровождают сравнение *берегти (хоронити) як зіницю ока; дорожити як зіницею ока* (розм.) и украинские словари. При этом они точно воспроизводят библейскую цитату: *Знайшов Він його на пустинній землі та в степу завивання пустельних гієн, та й його оточив, уважав Він за ним, зберігав Він його, як зіницю оту свого ока* (Повт 32, 10); *Хорони Ти мене, як зіницю ока* Свою, дочку ока, у тіні Своїх крил заховай Ти мене від безбожних, що гублять мене, смертельні мої вороги оточили мене! (Пс 16, 8).

Слово *зеница* в разных вариантах воспроизводится в нашем сравнении практически во всех славянских языках: польск. *strzeć kogoś, czegoś jak źrenicy oka*; слов. *chránit' niekoho, niečo ako zrenicu oka*; чеш. *chránit' někoho, něco jako zřítelnicí oka*; болг. *зеница на окото; пазя като зеницата на окото*; мак. *зеница на окото; да чува како зеницата на окото*; серб. *чувати као зјеницу ока кога, шта*; хорв. *čuvati koga, što kao zjenicu oka [svoga]; raziti na koga, na što kao na zjenicu oka [svoga]*. Единственным исключением является словенский фразеологизм *raziti na koga, na kaj kot na punčico svojega očesa; čuvati (varovati) koga, kaj kot punčico svojega očesa*, где общеславянская «зеница» передается словенским словом *punčica*, но в том же значении. Нельзя не отметить также, что в белорусском, словацком, чешском и сербском языках наряду с приведенными оборотами употребляются и синонимы, где вместо «зеницы» фигурирует просто «глаз»: *глядзець (берагчы, шанаваць і пад.) як (што) вока ў ілбе (ў лобе)*; *chránit' niekoho, niečo ako oko v hlave; chránit' někoho, něco jako oko v hlavě; чувати као очи у глави*). При этом словацкое *chránit' niekoho, niečo ako zrenicu oka* и чешское *chránit' někoho, něco jako zřítelnicí oka* в словарях маркируются пометой *zast. – устаревшее*.

Внимательный читатель, всматриваясь в приводимый ряд славянских параллелей к библейскому сравнительному обороту, заметит некоторое формальное различие в лексеме *зеница*: белор. *зрэнка*, пол. *źrenica*, словацк. *zrenica* и чеш. *zřítelnice* хотя и созвучны, но все-таки не полностью тождественны рус., болг., макед. *зеница*, укр. *зіниця*, серб. и хорв. *зјеница*. Возникает вопрос: одного ли корня эти два обозначения «зеницы»? Ведь *зрэнка* и ее «родственники» в западнославянских языках этимологически явно претендуют на этимологическую связь с глаголом *зреть*. На эту проблему обратил внимание П. Я. Черных [12, т. 1, с. 324], отметивший различие обозначений зрачка даже в близкородственных белорусском и украинском языках, но не раскрывший внутренней формы белор. *зрэнка*, оставив тем самым вопрос открытым. Составители «Этималагічнага слоўніка беларускай мовы» [14, т. 3, с. 347], как и чешские и польские этимологи, дали на него прямой ответ [19, с. 719; 20, с. 749]. Рус. *зеница* и ее славянские «родственники» как обозначение зрачка реконструируется как прасл. **zēnica*, восходящее к о.-слав. корню **zě-/zi(j)-*, который представлен и в о.-слав. глаголе **zijati* ‘зиять’, ‘зевать’, ‘обнаруживать зияние’, ‘раскрывать, открывать проход в пустое пространство’ [6, т. 2, с. 94; 15, т. 1, с. 324].

Ближайшими родственниками старославянизма и библеизма *зеница* оказываются и такие «низкие» исконно русские просторечные и диалектные слова, как *зенки* и *зеньки* ‘глаза’, орл. *зенко* ‘глаз’, архаич. *зено* ‘глаз, глазной хрусталик’, твер. *зенок* ‘зрачок’, смол., брян. *зеночка* ‘зрачок’, смол. *зеночки* ‘глаза’, костром. *зены, зеньиши* ‘глаза’ и т. п. Ведь этимологически все они связаны с глаг. *зиять, зевать* ‘быть открытым’, ‘открывать’ и являются общеславянским наследием. С этими обозначениями глаза в русских диалектах образовано немало народных выражений: твер. *зенки налить* ‘напиться пьяным’, смол. *зеночки закатились* ‘глаза закрылись (о покойнике)’, костром. *зены вытаращить* ‘уставиться’. Важна при этом смысловая перекличка слов: ст.-сл. и др.-рус. *зеница* с просторечным и диалектным *зенки*: в русских говорах последнее может употребляться в пяти значениях: ‘зрачки’, ‘белки глаз’ (ворон.), ‘верхние веки’ (смол.), ‘ресницы’ (арх.) и даже ‘глупый взгляд’ (арх.).

Таким образом, различие *зениц* и *зренок* в диахронической ретроспективе определилось: первое слово обозначало (и обозначает) открытый глаз, глаз, не прикрытый веком, второе же характеризует зрительный процесс и возможность его осуществления. В процессе семантического развития этих слов столь тонкие различия стерлись и они оба могли (и могут) обозначать и глаз вообще. Но все-таки самым общим обозначением этого соматизма во всех славянских языках (кроме русского) остается древнейшее индоевропейское **oko*. И паремиологические библеизмы надежно хранят его в нашей культурной памяти.

В многоязычном словаре «Лепта библейской мудрости», изданном в Беларуси благодаря инициативе и креативности проф. Евгения Евгеньевича Иванова, отражено, как отмечено в начале статьи, 14 соматизмов, ставших семантическим «ядром» славянской и европейской паремиологии. Нами для сегодняшнего анализа избрана лишь «зрительная» соматическая «троица». И этот выбор закономерен еще и потому, что именно она представляет 3 основных типа паремий: пословицу, идиому и устойчивое сравнение. При этом, как мы видели, во всей этой паремиологической триаде, сохраненной сакральным текстом, как в капле воды отражены общие и национально специфические особенности наших родственных славянских языков. Объединенных не только общим генетическим родством, но и славянским звучанием библейской мудрости.

Список использованных источников

1. Валодзіна, Т. В. Немеція лекавыя замовы: групы, матывы, беларускія паралелі / Т. В. Валодзіна. – Мінск : «Беларуская навука», 2023. – 344 с.
2. Коваль, В. И. Язычество в языке и тексте / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – 285 с.
3. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 томах / под общ. ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко; авторы-составители: З. К. Адамия, А. С. Алёшин, Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Д. Дракулич-Прийма, Е. Е. Иванов, Э. Коморовска, Э. Кржишник, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, А. Морпурго, Н. Прасолова-Милчовска, Н. Райнохова, М. Руис-Соррилья, А. Саркисян, Ж. Финк-Арсовски, протоиерей М. Чабашвили, Я. Шинделаржова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – Т. 1 : А–О. – 316 с.; Т. 2 : П–Я. – 336 с.
4. Валодзіна, Т. В. Цела чалавека: слова, міф, рытуал / Т. В. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 2009. – 431 с.
5. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Б. А. Ларина; перевод с нем. и предисл. О. Н. Трубачева. – М. : «Прогресс», 1964–1973.
7. Paczolay, Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / Gyula Paczolay. – Veszprem : Nyomda Rt., 1997. – 527 p.
8. Снегирев, И. М. Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Книжка 1. – 1831. – 174 с.
9. Лилич, Г. А. Толковый словарь библейских выражений и слов : около 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 639, [1] с.
10. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – М. : «Сюита», 1996. – 544 с.
11. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб. – Т. 1. – 1903. – 779 с.
12. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2-х т. / П. Я. Черных. – Т. I : А–Пантомима. – 622 с.; Т. II : Панцирь–Ящур. – 560 с. – М. : «Русский язык», 1993.
13. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 1–14. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1978–2017 (издание продолжается).
15. Етимологічний словник української мови : у 7 т. / гол. ред О. С. Мельничук. – К. : Наукова думка. – Т. 1–6. – 1982–2012.
16. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М. Я. Грынבלата. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Т. 1. – 560 с.; Т. 2 – 616 с.

17. Прислів'я та приказки. Упорядник М. М. Пазяк. – К. : «Наукова думка». – Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с.
18. Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии Наук. – Тт. 1–4. – СПб., 1847; Репринтное издание. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та. – 2001–2003.
19. Machek, Václav. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / Václav Machek. – Praha, 1971. – 866 s.
20. Boryś, Wiesław. Słownik etymologiczny języka polskiego / Wiesław Boryś. – Warszawa : Wydawnictwo literackie, 2005. – 860 s.

Abstract. The article offers an analysis of biblical catchphrases with three somatic components denoting the visual organ: An eye for an eye, a tooth for a tooth; open someone's eyes and cherish them like the apple of their eye. These three biblical units reflect typical structural-semantic categories of paremiology: proverbs, sayings (idioms) and stable comparisons. After identifying and interpreting the primary source, the corresponding Russian proverbs are compared with Belarusian and Ukrainian ones, as well as with other Slavic ones. A detailed description of the similarities and differences of these proverbs in each language is given.

Keywords: bibleisms, paremiology, winged words and expressions, phraseology, proverbs, sayings, stable comparisons.

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский федеральный университет (mokienko40@mail.ru).

УДК 811.161.1'243'373.2:398.21

М. И. Муратова

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТЕКСТАХ ПСКОВСКИХ СКАЗОК: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о преподавании русской фразеологии иностранным студентам; подчеркивается необходимость изучения фразеологизмов студентами, будущими учителями русского языка как иностранного. Приводятся примеры заданий, разработанных на псковском региональном материале.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фразеологические единицы, лингвокультурология, народные сказки, иностранные студенты.

Как известно, изучение русских фразеологизмов расширяет словарный запас и фоновые знания иноязычных обучающихся. Особенно актуально это положение для будущих учителей русского языка, для которых, помимо практического применения фразеологизмов в речи, необходимо умение объяснить их значение и особенности употребления.

Фразеологизмы делают речь более выразительной, разнообразной и яркой, владение ими свидетельствует о высоком уровне речевой культуры, чем также обусловлено широкое привлечение этого материала к подготовке филологов-русистов.

Особое внимание должно быть уделено подбору текстов, содержащих фразеологические единицы. В качестве одного из источников этнокультурологически ценного текстового материала, отражающего традиции, обычаи, быт русского народа и содержащего фразеологические единицы, мы предлагаем использовать сказки, записанные в различных регионах России. Так, сотрудниками научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионалистика» Псковского государственного университета за последние годы опубликовано несколько сборников сказок, наиболее полным из которых является сборник «Народные сказки псковского края» [1]. Сборник содержит 215 аутентичных текстов, записанных в разные годы (с 1977 по 2010 гг.) от жителей Псковского региона.